

Глава VII

КАК ЖИТЬ?..

1

«Через пять минут Новый год, триста шестьдесят пять новых дней. Как их прожить? Стоит подумать».

Таким вопросом, обращенным как к героям, так и к читателям, заканчивает повесть «Короткое замыкание» Владимир Тендряков.

«Мало поднять комбинат, проложить дорогу, переселить людей в благоустроенные дома. Это нужно, но это еще не все. Надо учить людей, как жить», — говорит В. Тендряков в другой своей повести — «Суд».

Русская литература всегда была литературой вопросов. Она учила людей жить.

Сегодня советская литература все в большей степени становится литературой *нравственных вопросов*, продолжая великие традиции классиков.

Как жить, чтобы быть Человеком? Как жить по совести, по коммунистической совести? Об этом размышляют герои многих книг, в том числе и книг В. Тендрякова.

В последних работах этого самобытного писателя вопросы нравственного бытия современного человека ставятся настолько заостренно, я бы сказал — публицистически заостренно, что В. Тендряков жертвует

порой даже своей блистательной изобразительностью ради проведения в жизнь той или иной нравственной идеи, рискуя получить справедливый упрек в схематизме и иллюстративности.

Но его заслуга — в пытливом исследовательском проникновении в такие пласты современного человеческого духа, куда пока еще редко проникает скальпель художника. По новизне, свежести поиска, по пытливости взора, по смелости постановки современных нравственных проблем я бы поставил рядом с произведениями В. Тендрякова первую повесть молодого прозаика Г. Владимова «Большая руда».

Что объединяет эти произведения? Стремление познать психологию современного человека во всей ее сложности и глубине, озарить ее светом высоких и строгих нравственных идей. Живым, пульсирующим нервом этих книг является тот сложный напряженный сплав мыслей, чувств, переживаний, движений души, который именуется человеческой совестью.

...Во время ночной охоты на медведя убили человека. Их трое, охотников: Семен Тетерин, известнейший в округе медвежатник; начальник строительства громадного комбината Константин Сергеевич Дудырев, всемогущая личность в этих местах; и, наконец, пожилой фельдшер Митягин.

Несчастье свалилось на их голову неожиданно: целясь в медведя, Дудырев и Митягин не заметили человека и выстрелили одновременно, не расслышав предостерегающего крика Тетерина.

Кто убил человека? На чьей совести эта нелепая, обидная смерть? — такой вопрос поставлен в повести «Суд». Ответ ищут следователь и прокурор, усматривающие в этой печальной истории не только несчастный случай, но и преступление: ведь Семен Тетерин пытался предостеречь стрелявших, а «если один мог предусмотреть, то ничего не мешало то же самое предусмотреть и другим... Крик был, кто-то должен сесть в тюрьму», — говорит прокурор.

Все улики за то, что в тюрьму должен сесть Митягин. Следователь установил, что между Дудыревым и убитым стояло толстое сухое дерево. Вдобавок Дуды-

рев — искусный стрелок и, следовательно, не мог промахнуться, целясь в медведя, а Митягин едва держал в руках ружье. Не хватало последней улики: пули. Врач, вскрывавший медвежью тушу, так и не обнаружил ее. Впрочем, и без этого всем — в том числе и самому Митягину — ясно: человека убил он.

Беда нависла над Митягиным — робким, безответным, добрым человеком, отцом пятерых детей. Слепая беда, негаданная — прямых виновников в ней нет.

Беда Митягина передана в повести сильно, она врезается в душу. И все-таки не в этой трагической истории главный нерв повести. Борение чувств начинается после того, как Семен Тетерин, разделяющая по возвращении домой медвежью тушу, находит застрявшую в позвонке злополучную пулю — расплющенный от удара медвежий жакан. Раскатав ее на сковородке и примерив ее к калибру ружья, он неожиданно для себя обнаруживает: парня убил не Митягин, а Дудырев! Обвинение на Митягина возведено напрасно. Но и Дудыреву Семен не хочет зла. Как быть? Спрятать? Выбросить? Нельзя. Пострадает невинный человек. Ну, а Дудырев за себя постоять сумеет. Решение приходит само собой: «Надо пойти к нему, показать пулю, рассказать все. Лучшего советчика не придумаешь. По-доброму решить...»

Семен Тетерин верит в совесть Дудырева. Но Дудырев возвращает пулю Семену.

«— А ты на минуту встань на мое место. Представь, что тебе приносят пулю и говорят: вот доказательство, что ты убил человека. Ты убийца!.. Ты бы с готовностью согласился?»

— Так, выходит, пусть Митягин отвечает? А ведь с ним-то церемониться не будут...

— Сообщи о том, что нашел пулю, следователю, — сухо сказал Дудырев...»

В свою очередь следователь, воспользовавшись тем обстоятельством, что Семен Тетерин раскатал пулю, отказывается верить охотнику. Боясь поставить под удар влиятельного Дудырева, следователь возводит на охотника напраслину: будто ради того, чтобы выгородить Митягина, которого он по неосмотритель-

ности взял на охоту, медвежатник выдумал историю с пулей. Следовательно пугает старого охотника судом за ложные показания, и Семену Тетерину уже мерещится скамья подсудимых, тюрьма.

Как быть?..

Этот вопрос мучает не только Семена Тетерина, но и Дудырева: отправив медвежатника к следователю, он остается один на один со своей совестью.

Совесть... Беспощадный суд человека над самим собой...

Такая потребность не возникает в душе следователя Дитятичева, духовные поползновения которого исчерпываются стремлением к успешной карьере. Он, жертвуя истиной, раздувает дело об убийстве, хотя всем ясно, что произошел несчастный случай и преднамеренного убийства нет.

Он не может принимать всерьез чудачества Дудырева, который неожиданно для следователя приходит в прокуратуру, чтобы убедить его в том, что Семен Тетерин прав. «Дудырев, выступающий против Дудырева, — некий любопытный парадокс, чудачество почтенного человека, уверенного в своей полной безопасности...» В его сознании не укладывается это естественное человеческое стремление быть честным перед собой и самому ответить за свою вину, а не прятаться за чужую спину.

Быть честным перед собой и людьми... Честным перед своей совестью. Иногда это дается нелегко. Внутренняя честность и чистота не даруются человеку от рождения, но завоевываются в бескомпромиссной борьбе с жизнью, а порой — и с самим собой. Всякая уступка в правде, всякий компромисс со своей совестью жестоко мстят за себя. Об этом и написана повесть В. Тендрякова.

Повесть дает бой всякого рода компромиссам с правдой. Писатель показывает нам героев в трудной борьбе за самих себя.

Жизнь предъявила Дудыреву страшное обвинение. Ему, отдавшему все силы, всю жизнь тому, чтобы лучше устроить жизнь людей, предлагают признаться в самом страшном людском грехе — убийстве! Обви-

нение настолько тяжкое, требование совести настолько огромное, что этот сильный, волевой, бывалый человек пасует; он не признает себя убийцей! Нет, нет и нет! Только не по доброй воле, лишь припертый к стенке, не иначе. Его первая реакция на беспощадную улику — пулю — стремление спасти себя.

Дудыреву нелегко найти в себе душевные силы, чтобы преодолеть в столь трудную минуту инстинкт самосохранения и остаться в своих глазах человеком.

И тем не менее потребность в этом так велика, что она одолевает страх Дудырева за свою собственную судьбу. Одолевает в борении, в противоречиях. И стать человеком в этой трудной ситуации Дудыреву помогает разговор со следователем, обнаженная трусливая подлость Дитятичева.

Поведение Дитятичева вызывает у Дудырева активный внутренний протест. Он забывает, что еще несколько часов назад он готов был пойти по тому пути, на который толкает его следователь. «Как это подло! Что делать? Молчать? Наблюдать со стороны? Быть молчаливым помощником Дитятичева? Подло! Низко!» — размышляет Дудырев. Это смятенное боление чувств заставляет его по-иному взглянуть на свою жизнь, и перед его обостренным внутренним взором всплывают дела и поступки, имеющие в конечном счете ту же подоплеку, что и поведение Дитятичева: стремление жить полегче, без излишних осложнений. В эту трудную минуту нравственного испытания он впервые начинает понимать то, над чем раньше, как ни странно, не задумывался: оказывается, истина и счастье людей неотделимы друг от друга и не даются легко.

Ту же истину еще более мучительно и трудно постигает старый медвежатник Семен Тетерин — мужественный честный человек. Найденная им пуля буквально жжет ему руки, она мучает и изводит его не меньше, чем Дудырева: в ней — правда, спасение невинного Митягина, и в ней же — неясная, глухая, темная и потому особенно страшная опасность для самого Семена. Угрозы следователя много значат

для этого бесхитростного человека. Жизнь ставит перед ним ту же дилемму: пойти против совести или подвергнуть риску самого себя. И — странное дело — этот бесстрашный человек, убивший за свою жизнь шесть десятков медведей, не знает на этот раз, как отстоять правду.

Оказывается, для борьбы за правду с такими прожженными циниками и карьеристами, как Дитятчев, нужны мужество и сила духа не меньше, чем в бою. Ибо жизнь наша — это и суровый, трудный бой за высокую и честную человечность с дитятчевыми самыми различных видов и пород.

Спервоначала Тетерин терпит горькое поражение. В минуту слабости он выбрасывает пулю в болото, а на суде, путаясь и заикаясь, сгорая от стыда, отрекается от истины, а следовательно, от самого себя.

Что касается Дудырева, то он, казалось бы, одерживает нравственную победу — находит в себе силы сказать суду, что готов нести ответственность за случившееся наравне с Митягиным. «Не считаю себя менее виноватым. Мы одновременно выстрелили... Свидетель Тетерин отрицает теперь наличие пули. Я не собираюсь ни уличать его, ни попрекать в неостоянстве. Пули нет, кто из нас убил — для меня до сих пор тайна, как и для всех. Мы оба повинны, оба в одинаковой степени!..»

Но победа Дудырева — далеко не окончательная, и она стоит меньше, чем поражение Тетерина. Ибо правда, до которой поднялся Дудырев, — все-таки полуправда, а следовательно, неправда. Неправда, что Дудырев и Митягин «оба повинны в одинаковой степени», неправда, что для Дудырева «тайна», кто убил человека. Человека убил он. Но он не в силах подняться на такую нравственную высоту, которая позволила бы ему честно сказать людям и самому себе об этом. Нравственную победу в конечном счете одерживает Семен Тетерин, хотя он и проявил слабость в трудный момент и на какое-то время перестал быть самым собой. Он одерживает эту победу своей высокой нравственной требовательностью, беспощадным, суровым су-

дом над собой: «Он сидел, сжав лицо широкими ладонями. Как случилось?.. Сколько себя помнит — не приходилось краснеть перед людьми, знал себе цену. До чего дошел: последние месяцы, считай, заячьей жизнью жил. Это он-то! И добро бы беда настоящая грозила, так не было ее! Заместо зверя огородное пугало принял. Сраму боялся. Вот он, срам, — по уши влез. Вперед наука. Наука?.. Ежели б в семнадцать лет такая наука выпала, а он уж не мальчишка — старик, через четыре года за шестой десяток перевалит. Не поздно ль учиться?..»

Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести».

Для творческой манеры В. Тендрякова свойственно стремление всматриваться в характеры на крутом жизненном переломе, в драматических ситуациях, когда суровые испытания высветляют душу, когда каждый человек с очевидностью демонстрирует людям, чего он в конечном счете стоит. Не случайно многие произведения писателя — «Ухабы», «Суд», «Короткое замыкание» — рассказывают о самой жестокой, трагической проверке человека — смертью. Чужой смертью.

В. Тендряков выбирает ситуации, в которых человек не может не обнажить свою душу предельно; обнажая души людские, писатель мерит их меркой самой высокой бескомпромиссной совести.

К сожалению, последним произведениям В. Тендрякова, и прежде всего повести «Короткое замыкание», свойственна известная декларативность. Те характеры, которые призваны здесь воплотить черты ленинского гуманизма, — Вадим Соковин, Санька Горяев, Елочка — похожи скорее на некие символы, призванные олицетворять гуманистические идеи автора, чем на полнокровные художественные образы. Иллюстративность этих образов, главная и исчерпывающая функция которых — служить рупором авторских идей, обедняет произведение. Назрела острая необходимость не просто декларировать идею ленинского гуманизма в современных ее качествах, но в полнокровных характерах художественно исследовать тот тип реального гуманиста, носителя ленинской идеи высокой, по-

следовательной человечности, который формируется нашей жизнью после XX съезда партии.

Художественное исследование и воплощение подобных характеров — трудная, но очень важная задача современной литературы. О трудности ее свидетельствует тот факт, что именно на этом пути чаще всего подстерегают писателя срывы.

Мне думается, главный просчет В. Розова в сценарии «А, Б, В, Г, Д» именно в том, что, увлекшись историей становления души неустоявшегося, индивидуалистического подростка, он не смог в полную меру своих возможностей показать характеры людей, чья высокая человечность и идейная ценность определяет нравственное становление и выздоровление его героя. А разве рыбаки в «Звездном билете» В. Аксенова и старший брат Виктор — не бледные, во многом плоские тени в сравнении с фигурами Димки и его друзей, вылепленными автором с любовью и вниманием? Между тем в жизни такие люди, как Виктор или рыбаки с Балтийского побережья, являются нравственными маяками для сверстников Димки; исследование их души во всей глубине и сложности — благодатная задача для художника. Но именно здесь наш читатель вправе предъявить современной литературе наиболее серьезный счет.

Балуев, Конкин, Егор Дымшаков — вот они, наши современники в литературе, наиболее полно сочетающие активность, действенность, наступательность и человечность, чуткость, доброту. А именно это сочетание дает драгоценный сплав социалистического гуманизма, который отвергает как созерцательность, пассивность, всепрощение, так и холодное бездушие, угрюмое бессердечие, душевную немоту.

К сожалению, у нас еще очень мало весомых типических характеров, в полную меру раскрывающих активное, действенное гуманистическое начало в душе молодого человека наших дней. Справедлив вопрос, который так часто адресуется писателям: а где же Павка Корчагин, где молодогвардейцы современности? Насколько полно и в каких качествах представлен в нашей литературе, и прежде всего в молодой литера-

туре, характер молодого человека, сформированный временем после XX съезда партии — с его деятельностью, активностью, с его жизнелюбием и самоотверженностью, с его добротой и человечностью?

2

Бурный приток молодых талантов — характернейшая особенность литературного процесса последних лет. И это, быть может, — одно из наиболее ярких проявлений того нового, что принес в нашу жизнь XX съезд. С ликвидацией культа личности и его последствий как бы открылись шлюзы народной инициативы, творчества, самодеятельности и молодое, яркое, свежее получило все права и возможности мужать, развиваться, расти.

Еще недавно, говоря о прозе молодых, критика называла имена В. Тендрякова, В. Солоухина, Ю. Бондарева, Г. Бакланова.

Но литература наша развивается сегодня на удивление стремительно.

Окиньте взором журнальную прозу последних лет — и вы обнаружите любопытную закономерность: в своей значительной части она принадлежит перу молодых прозаиков, вошедших в литературу совсем недавно.

Повести Г. Горышина, Б. Сергуненкова, В. Конецкого, Э. Шима, рассказы Л. Озорнова, И. Велембовской, Георгия Семенова — в «Знамени».

Повести В. Войновича, В. Липатова, Г. Владимирова, рассказы Юрия Куранова и Чингиза Айтматова — в «Новом мире».

Произведения Анатолия Кузнецова, Элигия Ставского, Василия Аксенова, Юлиана Семенова и других — в «Юности».

А если чуть расширить сферу наблюдений, раздвинуть ее во времени и пространстве? Какое обилие новых имен, более или менее громко заявивших о себе в последнее время в литературе! Произведения молодых появились и в «Дружбе народов», и в «Молодой гвар-